

СТРАНИЦА

СВЕРСТНИК

ТАРШЕКЛАССНИКА

№ 202

РАССКАЗЫВАЕМ О ПРОФЕССИЯХ

С. В. Гиацинтова:

«ВСЕ ВРЕМЯ, ВСЕ СИЛЫ...»

другие его пьесы, чтобы освоиться в его творческой мастерской. Следовательно, репетиции предшествует большая работа с литературой, долгие размышления. Только тогда смогу я понять роль, внести в нее что-то свое. Без такой работы немислим спектакль. Режиссер должен только направить актера в нужное русло, увидеть спектакль в целом, но плох тот режиссер, который не любит самостоятельно мыслящего актера. Спектакль заставит вас волноваться, думать, сопереживать только в том случае, если актер вдохнул жизнь в образ, зажил в нем своей, только им понятой сущностью, — для этого нужны талант и огромный труд. Именно они делают актера самым главным компонентом спектакля, и в этом большое очарование.

Еще одна проблема актрисы — очень трудная — знать свои возможности. Я много сыграла женских ролей. Эти женщины были когда-то совсем юными, они были игривы, добры, жестоки. И нужно большое мужество, чтобы своевременно отказаться их играть. Но у меня и сегодня большая поле деятельности. Я могу играть роли женщин, которые несут глубокое чувство. Это Мария Александровна в пьесе «Семья», жена профессора Полежаева в «Вспокойной старости» — очень человеческом спектакле нашего театра имени Ленинского комсомола. Я там немножко переделала свою героиню. Из хлопотуны около своего мужа сделала ее вполне самостоятельной женщиной, ученой — личностью. Драматург за это на меня не обиделся.

Актер был уволен на другой день за панибратское отношение к сцене.

Помню такой случай: мы изображали ряженых в «Трех сестрах». Сцена называлась «Маски». В передней в темноте появились ряженые, им говорят, что хозяев нет дома, и они уходят. Сцена почему-то не удалась. После этого эпизода Константин Сергеевич останавливал каждую маску и спрашивал: «Как вы сегодня играли?». Каждая маска была довольна собой и говорила: «Хорошо, Константин Сергеевич». Идем я и актриса Марк. Он нас останавливает и спрашивает:

— Как вы играли?
— Плохо, Константин Сергеевич.
— Молодцы! Вот молодчины!

Мы ничего не понимали: за что он нас хвалит, раз мы играли плохо? Оказывается, он был доволен нашим ответом. А потом Константин Сергеевич говорил нам о том, как строго и взыскательно должен актер относиться к самому себе, к своему творчеству.

Все это воспитывало в нас раз и навсегда благоговейное отношение к месту своего труда. Театр блеснул от потолка до пола. Тишина стояла полная, и никому в голову не приходило снизойти до обывательского шума в этих священных для нас стенах. На этой почве актеры росли и расцветали, и мои товарищи, среди них Бирман, Вахтангов, Чехов, Берсенев, — никто не прошел незамеченным.

Такова наша актерская профессия. Судите теперь сами, легкая она или трудная...
Записала
Н. ЛЕВОНОВИЧ.

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЦЕВ
Г. МОСКВА

0761 ЯОН 614

СЕГОДНЯ в ЦДРИ старшекласники из клуба любителей искусства встречаются с народной артисткой СССР Софьей Владимировной Гиацинтовой. Всем хочется сесть так, чтобы не только слышать, но и непременно видеть. Наступает тишина. Софья Владимировна проходит через десятки глаз к столу.

— Я хотела поделиться с вами раздумьями о том, что такое актер и какие требования предъявляет к нему его дело.

Как это случилось, что пошла на сцену? Наверно, это было моей потребностью, чем-то заложенным в меня. Есть целые династии актеров, в которых страсть к театру передается от отца к сыну, от деда к отцу. В моей семье не было актеров. Отец преподавал историю искусств в университете. Общение с искусством происходило постоянно, театр очень любил, но это был чисто зрительский интерес.

В детстве у меня была подруга, которая разделяла мое увлечение театром. Впоследствии она стала драматургом, так что можете судить, насколько это было серьезно. Нам было по восемь лет — мы устроили домашний спектакль. Играли сцену у фонтана из «Бориса Годунова» Пушкина. Помню, что мы блаженствовали хотя выглядело все это очень

смешно. Судите сами: роль фонтана играл четырехлетний малыш, он был совершенно раздет и держал лейку. Поворачиваясь в разные стороны, он лил воду. Взрослые хохотали до истерики. Зато мы, исполнители главных ролей, просто захлебывались от переполнявших нас чувств.

В гимназии нас заставляли учить наизусть огромное количество стихов, что многим представлялось тяжелой повинностью, для меня же это была радость. Стихи я читала увлеченно, с упоением, и все были уверены в моем призвании. Впрочем, у многих это проходит вместе с детством, но моя еще безотчетная страсть к театру с каждым годом росла. И вот что важно: я не просто мечтала о театре, а готовила себя к нему — занималась постановкой голоса, танцами, выработкой определенных навыков, которые мне пригодились в дальнейшем.

Настал момент, когда надо было решать свою судьбу, и я пошла к актрисе Художественного театра Муратовой. Она прослушала меня и взяла к себе в ученицы.

Самый трудный экзамен в моей жизни — прием в Художественный театр. Что такое был Художественный театр тогда? Присутствие в нем Станиславского и Немировича-Данченко делало его

необыкновенным. Совершенно необходимо иметь перед собой идеал человеческий, нравственный. Понимание того, что он выше вас, заставляет самоусовершенствоваться: именно это и создает человеческую личность.

Мы были счастливы, потому что видели перед собой эти идеалы — Станиславского и Немировича-Данченко.

Что такое жизнь актера? Очень часто, встречаясь с различной аудиторией, приходится отвечать на вопрос: «Что вы делаете днем?» или «А сколько вы получаете?». После ответа на последний вопрос всегда встречаешь явное разочарование.

Вот пример моего рабочего дня. Понедельник. Утро. Еду на радио записывать передачу «О том, как Ленин слушал музыку». Читаю за Инессу Арманд К 11.30 в театр. Репетиция: «Пигмалион». Вечером — спектакль.

А что значит — прийти на репетицию новой постановки Бернарда Шоу? Это значит — не только прочесть пьесу, вспомнить виденные ранее спектакли. Нужно еще проникнуться идеями этого автора, понять его, узнать его самого. Меня интересуют рассказы о нем лично, иначе я не знаю, с кем имею дело. Меня интересуют